

«Отдых вне тела»

Новые известия, — 2001 — 28 дек. — с. 10.

Валерий Попов.
«Чернильный ангел», М.,
Центрполиграф, 2001

Во все времена автор этой книги был хорошим писателем. Он и сейчас им остается. Это-то меня в первую очередь и смущает. Не покидает ощущение, что Попов не пишет, а записывает все, что произошло, и все, что приходит в голову. А в голову чего только не приходит. Стишок: «На посту я possu»; песня: «Шумят нетрезвые березы»; пословица: «Человек рожден для счастья, как птица для помета». Иногда вклиниваются вставные новеллы, похожие на анекдот: «Нет, все же хорошие у нас люди! Мужик с доской на плече разворачивался, выходя на станции Удельная, и сам себя треснул доской по голове. И сам же извинился: «Простите, ради Бога!». И сам же простил: «Ничего, ничего!». И даже не заметил в задумчивости, что не два тут было хороших человека, а всего один!». Легкий писатель. И стиль, и юмор, все на своих местах. Одностораживает и почти убивает. Если за десять, за двадцать лет человек нисколько не меняется, человек ли он вообще?

По тематике «Чернильный ангел» — повесть о наших днях. Что-то из жизни ленинградско-петербургской богемы, что-то из своей писательской жизни. Проснулся однажды писатель и увидел, что на простыне от него остался странный фиолетовый отпечаток. Он решил, что это чернильный ангел, его писательская душа, вылетела ночью из тела и отпечаталась. Потом с

приятелем стали фотографировать простыню, как Туринскую плащаницу, и убедились, что фиолетовый ангел действительно оставил свои очертания на смятом полотне. А потом в гостях у влиятельного литературного мэтра краешком глаза видит Попов на экране компьютера своего чернильного ангела. Но это отнюдь не мистика и фантастика, а результат бурной деятельности друга, который раскрутил фиолетовый отпечаток на простыне до эмблемы престижной литературной премии, вручаемой писателям за дружбу народов.

Попов остроумно замечает, что, как только мы вырвались на свободу, дружба у нас как-то ни с кем не клеилась. Немцы, англичане, французы и даже финны рекомендовали нам дружить прежде всего с чеченцами. А с ними у писателя дружба и так оказалась вполне на-

ложена. Еще в советские времена его дочь школьница погостила в какой-то южной республике. С ответным визитом вместо восточной школьницы приехал усатый мужчина с чемоданом нарциссов. Нарциссы он частично развесил в ванной вверх черенками, чтоб не вяли, а частично понес продавать на базар. Так незаметно дом писателя наполнился гостями с Востока, которые жили своей таинственной жизнью, а денег за снимаемую площадь так и не заплатили.

А у писателя отец — девяностолетний академик, генетик, выросший чудо-рожь, которой пять лет кормилась страна в самые трудные годы. Академик от реальной жизни давно отключился. День и ночь «паучится» над рукописью, тщится завершить свою теорию, давно уже никому не нужную.

Есть еще жена с язвой, которая язвит в адрес академика. Мол, паучитесь над своей теорией дни и ночи, а помидоры нам из Аргентины везут.

Писатель любит и академического маразматика батю, и жену-язву, и чеченцев-неплательщиков, хотя и пытается время от времени что-нибудь с них слупить. У него есть нехороший друг, который еще в советские времена задурил головы советологов своим псевдодиссидентством и слегка пострадал, зато теперь распределяет литературные премии всяких фондов. Он-то и придумал премию «Чернильный ангел». Попов думал, что премия достанется ему, но не тут-то было. Друг почему-то недолюбливал своего кореша и перекинул ангела другому, ничего никогда не написавшему автору.

Обидно, конечно, когда твой собственный писательский чернильный ангел, вылетевший ночью из твоего тела, достается другому в виде солидной денежной суммы.

Кстати, загадка ангела имеет разгадку. Писатель просто испулся в ручье, куда до этого рухнула цистерна с импортным спиртом, обильно разбавленным нашими отечественными чернилами. Потому после купания он вышел на берег с чувством неслыханной легкости и невиданного блаженства. Таково писательское крещение — в спирте, воде и чернилах. Чернила впитались в поры, а ночью вышли из тела и отпечатались на простыне.

Можно считать это шуткой, а можно и мудрой притчей. Попов, он прост, да не прост. Ироничен, самоироничен, легок и в то же время глубок. Вот он стоит у «Стены плача» и читает объявления, скрижали нашего времени: «Могу работать гувернером. Немного нем.»; «Обезличу»; «Огненный танец фламенко исполняю на дому»; «Отдых вне тела»; «Не просто сварщик, а электрогазосварщик!»; «Убиваю комарей!»; «Умелец из пучин и болот»; «Хочу работать. Вложу душу»; «Русские голубые с документами»; «Убью в Интернете»; «Рожу».

Веселый петербургский человек и петербургский писатель Валерий Попов. Время, как видно, с ним не совладало. Он его победил. С легкостью пролетел сквозь застой и смутную эпоху, как Чернильный ангел. Читая его и вправду «отдых вне тела».